

Матьяна
Алюшина

Читайте романы Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство
Жизнь на общем языке

Матьяна
Алюшина

Жизнь
на общем языке

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Жизнь на общем языке : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-192629-8

Они познакомились в детстве — и встретились снова лишь через много лет. Вспыхнувшее между Клавдией и Матвеем чувство было настолько невероятным, что им обоим казалось чудом. И вроде бы не должно быть препятствий для их любви. Но... Сложные жизненные ситуации, несовпадающие графики работы, ответственность за близких... И страшный пророческий сон, приснившийся Клавдии. Поверит ли Матвей в ее предвидение? Сможет ли понять и принять ее проблемы? Но ведь если люди действительно любят друг друга, они справятся с любыми невзгодами и разрушат все преграды на пути друг к другу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192629-8

© Алюшина Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

— Ну, тогда пока, — старательно выдерживая нейтральную интонацию, произнес он и махнул скупым, коротким жестом, словно отсекая все невидимые нити, связывавшие их до этого момента, повернулся и зашагал вперед, быстро удаляясь по дороге.

У Клавы неожиданно, не пойми с чего, вдруг что-то резко, болезненно остро перехватило-защемило в груди, чуть повыше сердца, и сжало-сжало, словно тисками, настолько сильно, что спазмом перекрыло горло, не давая продохнуть. А черная, беспросветная муть-безнадега обожгла разум внезапно открывшимся, как вспышка, озарением, пониманием, что он на самом деле уходит — вот прямо сейчас, совсем, навсегда, окончательно и безвозвратно уходит в...

— Подожди! — окликнула она его, царапая, продирая с болью криком перехватившее судорогой горло...

Он не остановился, будто не услышал ее вовсе, продолжая довольно быстро и столь же неотвратимо удаляться от нее все дальше и дальше, постепенно растворяясь в плотном тумане, больше похожем на непонятную, какую-то странную субстанцию, дымку, как-то слишком быстро, буквально в одно мгновение,

выгнанную резким порывом ветра на дорогу из оврага, в котором она до этого момента клубилась-варилась, стелясь по земле в серых утренних сумерках...

— Да подожди ты!!! — громко потребовала Клавдия, закашлялась от сухой боли, оцарапавшей горло, и просипела вдогонку: — Подожди!

Но он снова проигнорировал ее призыв, а может, действительно просто не слышал или не обратил внимания на ее хриплые окрики и все шел и шел, не меняя ритма и скорости движения, неотвратно уходя от нее.

И Клава рванула вперед, туда, за ним — догнать, остановить, попытаться что-то объяснить-доказать, спросить, да просто поговорить нормально...

Но, странное дело, внезапно оказалось, что, пока она то рефлексировала и раздражалась на него, то орала-сипела, стоя у края оврага на обочине, он уже успел довольно далеко отойти. Может, поэтому и не слышал, что она его зовет?

Клава прибавила ходу, не упуская из виду в странном, все сгущавшемся плотном тумане его спину с каким-то рисунком на куртке, в которую он был одет: не то наездник на коне, не то кентавр какой, не то лось, что ли... непонятно.

— Подожди! — снова окрикнула она, уже ожидаемо причиняя своему горлу болевые, дерущие ощущения.

Но и на этот ее зов он не обернулся, ровно и целеустремленно продолжая шагать по дороге.

И тут Клавдия разозлилась! Просто ужасно, прямо так... ух! — как сильно разозлилась! Вот так бы и ткнула его по башке упертой и по этой его прямо излучавшей отстраненность и свою несгибаемую правоту

спине с непонятным лосем-кентавром на куртке. Уходит он, понимаешь! Решил, сказал — и пошел! Нет уж, он ее выслушает...

И она прибавила скорости, почти побежав, одновременно с рывком внезапно осознав, почувствовав, что опция «бежать» дается ей с большим трудом: по какой-то непонятной причине ноги совершенно отказались подчиняться приказам головы, и Клавдии потребовалось прилагать определенные усилия, чтобы заставить конечности передвигаться, а быстрое передвижение вызвало у нее прямо-таки болезненные ощущения во всем теле.

Это что за хрень?! С чего бы вдруг такая немощь навалила? Не иначе как от нервов — бабушка Софья уверяет, что все болячки и глупости у людей случаются исключительно от нервов и стресса. Вот, наверное, и у нее от этих самых нервов в паре со стрессом тело решило побастовать.

Ага, да сейчас, посопровтивляйся мне тут — или она не спортсменка в душе?! Она тоже умеет упираться и вредничать, еще как умеет, тебе и не снилось! «Так что нефиг мне тут изображать уставшую олимпийскую чемпионку после финиша!» — прикрикнула Клава мысленно на свои ноги и, разозлившись на себя, на него, на идиотскую какую-то ситуацию в целом, преодолевая сопротивление организма, наддала-прибавила усилий, припустив еще быстрей.

И сразу заметно начала приближаться к двигавшемуся впереди мужчине.

— Стой! — окликнула она в очередной раз, громко прохрипела севшим-сипевшим, окончательно разболевшимся горлом.

А он услышал. В этот раз наконец услышал ее, остановился, резко развернулся и очень удивился, обнаружив догонявшую его зачем-то девушку и поспешил навстречу.

— Ты чего? — с очевидным беспокойством спросил он, подходя вплотную.

Клавдия — у которой все тело мелко дрожало от затраченных усилий и напряжения, которые пришлось приложить к истязанию себя бегом, — наконец остановившись, продленно, с огромным облегчением выдохнула, еле удержавшись, чтоб не согнуться пополам, упереться руками в колени и форсированно подышать, приходя в норму, словно не пару десятков метров пробежала трусцой, а как минимум километров пять преодолела в состязаниях на скорость и выносливость.

— Ты зачем за мной? — спросил он озабоченным тоном и произнес что-то непонятное: — Тебе нельзя сюда, — с поразившей Клаву неподдельной заботой и искренним переживанием за нее.

Явно за нее, она это отчетливо почувствовала. Как же это так — он о ней беспокоится и все-таки уходит? Что за ерунда?

— Простынешь, — ошарашил он Клаву следующим заявлением и вдруг поправил платок на ее шее, выбившийся из-под ворота курточки во время бега, а сам воротник запахнул посильней.

— Ты почему так резко ушел? — спросила Клава.

— Ну, почему... — произнес он и, осторожно, медленно притянув ее к себе за борта воротника, которые так и не отпустил, заглянул в глаза совсем близко. —

Ты же отказалась. Мы же выяснили, что тебе ничего этого не надо.

Отпустил и, заботливо запахнув еще плотней воротник ее курточки, отступил на шаг и указал жестом себе за спину:

— Мне надо идти, вон машина уже ждет.

Привстав на цыпочки, Клава посмотрела через его плечо туда, куда он указал рукой, где в ставшем за эти несколько мгновений еще более плотным тумане угадывался силуэт машины типа «буханки», кажется, так их называют, или «Газели» (бог знает, она в таких марках не разбирается) — что-то малое грузовое, похожее на банковские автомобили.

И ей вдруг привиделось-почудилось, что оттуда, со стороны этой самой машины, дохнуло на нее чем-то страшным, темным, потусторонним...

Непроизвольно отшатнувшись и зябко передернув плечами, Клава тряхнула головой, сбрасывая с себя непонятные ощущения, отделяясь от всякой глупой, пугающей ерунды, лезущей в голову.

— Ничего мы не выяснили и даже не начинали выяснять, — возразила она строптиво, — я просто сказала о своих сомнениях, а ты...

— А если есть сомнения, Клав, то уже ничего и нет, и не может быть, — улыбнулся он уставшей, печально-мудрой улыбкой, отступил еще на шаг и, будто извиняясь, но твердо и окончательно, оповестил: — Я пойду, мне пора. Прощай. Все у тебя хорошо будет.

Развернулся и продолжил свой путь — туда, к ожидавшей его машине.

А Клавдия... у нее остановилось сердце, и, заполняя предательской тьмой и холодом мозг, сознание про-

стрелило абсолютным, гибельным пониманием: вот он сейчас уйдет и больше этого человека не будет — совсем не будет! Окончательно и навсегда!

Ни для нее, ни для чего на свете его уже не будет! Как только он дойдет до машины — закончится все!

Она дернулась следом за ним всем телом, но не могла сдвинуться с места, открыла рот в отчаянной попытке прокричать, позвать — остановить, вернуть, объяснить что-то, самой ей до конца непонятное...

И как ни напрягалась, как ни старалась изо всех последних, отчаянных сил, но только открывала рот, раздирая его в беззвучном крике, ужасаясь невозможности выдать из себя хоть какой-нибудь звук...

...а он все уходил, уходил, растворяясь в окончательно заполонившем мир сером, уплотнившимся до состояния киселя тумане, в котором таяло и исчезало все вокруг...

Клавдии стало страшно! Так дико, так животновжужутко страшно, что заглодело все внутри, словно оборвалась, остановилась жизнь... Она еще была способна думать, чувствовать, понимать и испытывать-переживать ужас и панику, а жизнь все — остановилась!

И в этом последнем, растянувшимся мгновении ужаса и почти уже небытия она вдруг так четко и ясно осознала... что совершенно не знает, понятия не имеет, кто этот мужчина. Она не смогла бы узнать его голос, поскольку тот звучал приглушенным шепотом, словно доносился через вату. Она не представляет, как выглядит этот человек: его лицо было стерто, укрыто, как плотной вуалью, тем самым странным туманом, в котором он растворился, уходя, окончательно и бесповоротно...

Навсегда.

— Нет!!! — проорала Клава. — Не-е-ет... — просипела утробно, с надрывом и резко села на кровати, обхватив измученное горло ладонью, рефлекторно пытаясь удержать, уменьшить боль.

Судорожно втянула-вдохнула в себя воздух, с наслаждением и невероятным облегчением осознавая, что снова может свободно дышать, и двигаться, и даже разговаривать...

Распахнув глаза, Клавдия осмотрелась, не сразу сообразив, где находится, в каком состоянии и что с ней вообще происходит: она все еще была там, в неприятном, плотном тумане, ей просто стало легче, прошел какой-то неожиданный приступ или?..

Дома!!! Боже мой, она дома! Какое счастье! Никакого тумана, никакого сковывающего ужасом приступа, парализовавшего сердце и дыхание, и никакого уходящего в небытие незнакомца — все это было сном, просто сном, только ночным бредом.

Господи, какое счастье!

А напугавший ее страшный ночной кошмар медленно разжимал тиски своих холодных, влажных черных лап, в которых все еще держал свою жертву, вынужденно ослабляя хватку и неохотно отпуская, подчиняясь силе яви, неумолимо уничтожающей всякую ночную нечисть.

— О господи... — произнесла, выдохнув с невероятным облегчением, Клавдия, полностью возвращаясь в реальность.

Закрывает глаза и потерла лоб, ощутив на пальцах легкую холодную испарину. Кошмар стремительно отступал, унося с собой в черноту ночи, ставшей уже вчерашней, бурю пережитых чувств и эмоций, и на-

столько сильно напугавшую ее убийственную беспомощность перед обстоятельствами, и ощущение животного страха и безысходности...

— Приснится же *такое!* — посетовала-пожаловалась Клава, обессиленно откинувшись назад на подушку.

Глубоко, на всю полноту легких вдохнула и медленно, длинно выдохнула, окончательно освобождаясь от пережитых страхов и беспомощности.

Еще раз: долгий, затяжной, вдумчивый глубокий вдох — задержать дыхание — и такой же длинный выдох. И еще раз. И еще пять раз.

Полежала, расслабляясь и чувствуя легкое головокружение от интенсивной дыхательной процедуры, повернулась, посмотрела на электронные часы-будильник, стоящие на тумбочке, отстраненно-холодно оповестившие, что в данный момент сутки находятся на отметке пяти часов пятидесяти минут утра.

— Вот же, печки ваши лавочки! Ну какого, спрашивается... — ругнулась в сердцах Клава.

Нет, ну что за засада-то, а! Понятно, что теперь она уже точно не уснет, а вставать в шесть утра, когда у тебя половина дня свободна и именно сегодня можно было бы наконец-то расслабиться в удовольствие и вполне себе законно поспать от души да вдоволь, что и наметила она себе вчера, и предвкушала, укладываясь спать... Нет, воистину: хочешь Кое-Кого Серьезного насмешить, расскажи о своих планах...

Нет, ну елки же метель, как говаривал дед Коля в моменты сильного душевного негодования, прибавляя шепотом вдогонку взрослых словесных натюрмортов, «которые всякой мелочи слушать не положено».

Мелочью была она, Клавдия, и взрослых дедушкиных матерных «натюрмортов» честно старалась не слушать, поскольку дала тому слово-обещание этого не делать. Впрочем, при внучке дед Коля свое красноречие праведное придерживал, и развесистых ругательств, при которых следовало бы немедленно закрывать уши, Клавочка от него никогда не слышала, а потому уши и не закрывала: дедушка ругался совсем тихо, сквозь зубы, на уровне бу-бу-бу, не пойми-разбери какого. Это он так, предупреждал на всякий случай, причем по большей части самого себя.

«Чего это я взялась деда Колю вспоминать?» — подивилась Клавдия. Никак бредовым сном навеяло. Подумала и тут же передернула плечами, почувствовав, как от одного лишь коротенького упоминания липкая лапка кошмара, вынырнув из ночного небытия, коснулась ее волос, напоминая о себе.

Да ну на хрен! Разозлилась на себя и на этот дурацкий, перепугавший ее, ненормальный какой-то сон, решительно откинула одеяло и подскочила с кровати. Срочно в душ и смыть с себя всю эту фигню ночную!

И кофе. Стоя под струями горячего душа, представляла она себе чашку с любимым бодрящим напитком уже куда как веселее, чем пару минут назад. «Много горячего, крепкого кофе, непременно со сливками и какой-нибудь вкусняхой!» — совсем и окончательно взбодрилась Клавдия. Сегодня, после такого-то стресса и «нервов», она разрешает себе любые вкусняхи, вплоть до запрещенного куска торта-медовика. Ум-м-м, обожаю!

Точно: сядет в свое кресло у окна в кухне, медленно, с удовольствием смакуя каждый глоток, будет тянуть

горячий кофе из любимой большой кружки и поглядывать за окно во двор на спешащих на работу людей, а осознание того, что ей-то как раз никуда сейчас спешить и торопиться не требуется, только усилит наслаждение моментом!

И главным, определяющим ее сегодняшний кайф словом станет именно это: «*Не торопясь!*»! Боже, как давно она не могла позволить себе плавной, тягучей, ленивой неспешности и неторопливого, вдумчивого смакования утреннего кофе. Ради такого можно и кошмар потерпеть, который поднял в такую рань.

«О нет, нет!» — тут же открестилась от этой мысли Клава, зябко передернув плечами только лишь от одного коротенького намека на воспоминание о ночном мучении. На фиг, на фиг такие поводы к раннему просыпанию — тьфу на них, тьфу и тьфу! Лучше уж будильник завести, пусть звонит-будит, зараза.

Подумала мгновение и решила, что и на будильник лучше тоже тьфу, попьет она свой кофе и в привычном торопливом темпе, обжигаясь, то и дело напряженно посматривая на часы, что-то мыча-отвечая на ходу и бегом, с полным ртом (к недовольному ворчанию бабули), чем вставать в такую рань по любому поводу — хоть банальному и привычному, хоть тем паче такому неприятному, как случился нынче.

Клавдия любила поспать и была классической «совой», только вспоминать о своей принадлежности к данному отряду пернато-спящих и дрыхнуть в «сладость-радость, до помятой щечки», как говаривал тот же дед Коля, ей удавалось нечасто, всего пару раз в месяц да во время отпуска — вот такие «печки ее лавочки».

«Ее лавочки» в данном случае — это уклад Клавдиной жизни.

Выбравшись из душа и вытершись насухо, пару мгновений поколебавшись в раздумьях, решила Клавдия Юрьевна устроить сегодня себе максимально доступный пофигизм, в список которого первым пунктом вошло игнорирование всех привычных косметических процедур, обязательным порядком следовавших после принятия водных процедур (за исключением, понятное дело, чистки зубов и самых необходимых кремов). Ну вот на фиг — честное слово! Такая это канитель постоянная, что иногда не грех и забить!

— Что-то тебя, матушка, вразнос понесло, — усмехнулась она своему отражению в зеркале, — тортик наметила, кремы-процедуры, фен-прически отменила. Бунтуешь?

Ну, не то чтобы прямо вот так бунтует. Настоящее «фи» привычной размеренной жизни и серьезная эмоциональная встряска, изредка разрывавшие обыденность жизни Клавдии, протекали у нее несколько иначе. А нынче утром это так — не фейерверк, а скорее безобидная хлопושка-петарда. Ибо... есть у нее на сегодня дела важные и серьезные обязательства, так что толком и не взбрыкнешь.

Но тортик — это все-таки какая-никакая, но петарда, пусть и маленькая, но все же. Тем более большой кусок торта... и, пожалуй, немного мангового суфле к нему — чем не бунт? Настоящий такой, честный! И ладно, и можно, просто сделает парочку дополнительных асан йоги во время своего часового занятия.

И чтобы окончательно не «пойти вразнос» (как называет изредка нападавшее на внучку такое вот ре-

волюционное настроение-поведение бабушка Софья), Клавдия дала себе установку, что ради баланса и успокоения совести выберет себе на сегодня дело-занятие из числа тех, что находятся в реестре важных и, без сомнения, нужных, но несрочных, а потому благополучно отложенных на мифическое, загадочное, никому не ведомое «удобное и свободное» время, которое имеет странное свойство находиться крайне редко, а в большинстве случаев и вовсе не появляться.

Время ни с кем не воюет, а потому не наступает, у него и так все хорошо, и атаковать или отступить ему не требуется, а дела наши где были, там и остаются.

«Охо-хо...» — мысленно вздохнула тяжело Клавдия, припомнив список-перечень тех самых важных и отложенных «на потом» дел-занятий, до которых не дошли ни только руки, но и ноги, и голова иже с ними.

Ладно, сначала кофе, блаженство в утренней тишине и одиночестве, а потом, может быть («Только может быть!» — внесла торопливое уточнение она), открывающее возможность «дать заднюю» какое-нибудь дело из «дальних ящиков».

Но «тишина одиночества» — это Клавдия определенно переборщила с оптимизмом в своих планах-ожиданиях.

— Софьюшка Михайловна, что это вы ни свет ни заря, а уж в трудах и хлопотах? — улыбнулась колдовавшей у плиты над туркой с кофе бабуле Клавдия.

— Сон стариков короток и тревожен, — улыбнулась в ответ бабушка Софья, делясь философскими умозаключениями. — Наверное, потому, что между ними и вечностью остается совсем немного времени для

того, чтобы успеть осмыслить и понять нечто важное и великое или хоть немного поумнеть.

— Понятно, — усмехнулась Клава, развеселившись, — снова не приняла «Мелатонин» на ночь.

Подошла, обняла бабушку и поцеловала в мягкую, еле уловимо пахнущую розой щечку, с удовольствием вдохнув такой родной, любимый запах.

— Кофе будешь? — подхватывая с огня турку с поднявшейся в ней кофейной шапкой пены и проигнорировав замечание внучки, поинтересовалась Софья Михайловна.

— Обязательно, — уведомила бабушку Клава. — На ваш шедевр, Софья Михайловна, не претендую и даже не заглядываюсь. К тому же имею конкретное желание: свой любимый размерчик и вкус: много, крепко, горячо и со сливками.

— Это уже не кофе, — привычно заметила бабуля, не признававшая таких извращений с великим, как она считала, напитком.

— Понятное дело, — так же привычно согласилась Клава, доставая из шкафчика большую турку.

Это был их извечный, практически теософский спор из серии «Чья религия лучше и правильней».

Бабушка поставила турку на специальную подставку, заранее приготовленную на столе рядом с крохотной чашечкой на блюдце и маленькой десертной тарелочкой тонкого фарфора из того же сервиза, что и чашка. На тарелочке лежало несколько аккуратно разложенных долек засахаренных фруктов.

Бабушка холила, лелеяла и любила свои ритуалы, выработанные годами. Одним из них являлась церемония питья утреннего кофе — неизменно исполнявшаяся

яся неспешно, с удовольствием, в давно отработанной и отлаженной последовательности действий, с применением определенных атрибутов. Что бы ни случилось и ни произошло — хоть «весь мир в труху», — но сначала кофе, и только потом отправимся спасать-выручать родных-близких, учеников и все человечество в целом, коли возникла в том необходимость.

Именно в такой последовательности.

Даже если все пропало, и «ой-ей-ей, все плохо, и мы все умрем!».

— Ну, «все умрем», насколько мне известно, пока никто не отменял, — спокойно потягивая обжигаящий напиток, замечала бабуля, когда кто-то начинал истерить рядом, требуя немедленно что-то делать, бежать, звонить, решать и так далее. — А на все остальные неприятности торопиться необязательно, к сожалению, они от нас никуда не денутся и без нас не обойдутся. Так что сначала выпью свой кофе, а потом мы займемся этим вопросом.

Клава обожала наблюдать за бабушкой в моменты ее «кофейного священнодействия»: ее с детства завораживала, очаровывала, атмосфера, которую незаметно творила-создавала бабуля. Для начала надо постараться достичь внутреннего спокойствия и остановить суетливую торопливость, отбросить пустые мысли и сосредоточиться на том, что делаешь. Непременно стелилась белая скатерть на круглом столе, поверх которой клалась кружевная льняная салфетка, на которую водружалась потемневшая от времени мини-тренога с ма-а-аленькой горелочкой (ее следовало зажигать, только если кофе остывал), куда ставилась турка. Бабуля усаживалась за стол, в задумчивости немного пошевелив паль-

цами над тарелочкой, выбирала соответствующий ее настроению и желанию в данный момент фрукт, откусывала крохотный кусочек засахаренного апельсина, или грейпфрута, или чего иного и запивала его небольшим глотком обжигающего кофе.

Потрясающий аромат кофе с еле уловимым запахом гвоздики (или кардамона, или корицы и цитруса, тоже в зависимости от настроений и предпочтений этого дня Софьи Михайловны) казался маленькой Клавочке бесподобным и незабываемым, чем-то очень надежным, означавшим, что все всегда будет хорошо, и ассоциировался со счастьем, как праздник Новый год. У всех он только раз в году, а у Клавочки всякий раз, когда она смотрела, как бабуля наслаждается кофе.

И еще — беседы.

Да, неторопливый, легкий разговор за чашечкой кофе также входил в ритуал, разумеется, при наличии достойного собеседника. Клавдия у Софьи Михайловны всегда числилась в таких с того возраста, как начала произносить первые слова. Впрочем, как и вся остальная родня.

Боже мой, как же любила, ценила и берегла эти моменты, проведенные с бабулей, Клавдия и как редко ей удавалось попристутствовать в этой душевной теплоте!

Чтобы непременно вот так, как надо: никуда не спеша, словно зависнув в остановившемся мгновении, посидеть с бабулей утром, окутанной волшебным ароматом, умиротворенной неторопливостью Сонюшки, ее мудростью и спокойствием. Рядом с ней все проблемы оказывались вдруг обычной решаемой ерундой, не стоящей душевных переживаний и надрыва, которые надо просто решать шаг за шагом, только

и всего. Мир, в котором Клава чувствовала и ощущала себя счастливым ребенком, защищенным от всех напастей.

Ведь не трудно же было это устроить — встать пораньше, часов в семь. Как правило, именно в это время Сонюшка, умывшись и приведя себя в «долженствующий вид», что означало: прическа и удобная, строгая одежда, исключавшая даже намек на халаты и нечто спортивно-расхристанное. Ну что вы, халаты предназначены для спальни и ванно-туалетных процедур, спортивная форма — для спорта и дачи, а для дома только платье либо блузка с юбкой и простые, но элегантные и не сковывающие движения домашние туфли на невысоком каблучке. А как вы хотели — старая советская преподавательская закваска, когда ученики и родители могли заявиться в любое время к учителю домой со своими вопросами и проблемами и требовалось выглядеть непременно подтянутой и прибранной, готовой ко всякого рода неожиданностям — высший класс!

Вот и вставала бы на час пораньше, ворчала на себя мысленно Клавдия, поглядывая за «священнодействием» бабули, так нет же — вечная усталость и загруженность делами-заботами, и всегда хочется поспать подольше, и еле вытаскиваешь себя из кровати под ворчание на будильник, ставший твоим личным врагом.

— А что ты, Клавочка, поднялась настолько рано, у тебя же выходной день? — поинтересовалась бабушка, выбрав из разложенных на тарелочке фруктов засахаренный ананас и откусывая кусочек. — Даже Роберт Ромуальдович еще спит.